

БЕСПОЛЕЗНОЕ ВРЕМЯ: ОБРАЗ ВОРОНЕЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Т. А. Дьякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 августа 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается семантика образа Воронежа в аспекте бесполезного города. Писатель обращается к реалиям воронежской поездки накануне 1915 года и усматривает в этом voyage знаки катастрофических изменений XX века. Рассказ Б. Зайцева — пример особого темпорального восприятия истории в художественной системе ранней прозы писателя.

Ключевые слова: символический образ, историческое время, авторское время, Воронеж, художественная система воззрений Б. К. Зайцева.

Abstract: the article considers the semantics of the image of Voronezh in the aspect of a useless city. The writer turns to the realities of the Voronezh trip on the eve of 1915 and sees in this voyage signs of catastrophic changes of the twentieth century. The story of B. Zaitsev is an example of a special temporal perception of history in the artistic system of the writer's early prose.

Keywords: symbolic image, historical time, author's time, Voronezh, artistic system of views of B. K. Zaitsev.

В творчестве Бориса Зайцева, как и других представителей первой волны русской эмиграции, дореволюционная Россия в её многогранном проявлении провинциальной жизни постоянно находит ностальгическое воплощение. В художественный ряд литературных представлений этого писателя органично вписаны и воронежские реалии. В 1938 году в № 4113 «Возрождения» он опубликовал рассказ «Бесполезный Воронеж», в котором образ этого города приобрёл символические черты эпохальных изменений XX века. Однако это был не единственный случай письменного упоминания Воронежа Б. К. Зайцевым.

Достоверно известно, что знакомство с этим городом у писателя началось не позднее 13 июня 1913 года, когда в письме к Ивану Алексеевичу Новикову Борис Константинович писал: «Я собираюсь на днях в Воронежскую губернию к Устиновым, на не надолго. Но нет денег, сижу и жду манны небесной из „Заветов“» [4, 105].

Упоминает Б. К. Зайцев Воронеж и позднее, в письме от 1 мая 1914 года, адресованном ярославскому издателю Константину Некрасову, с которым писатель несколько лет сотрудничал, активно поддерживал выпуск издаваемого им и редактируемого Павлом Муратовым литературно-художественного журнала «София». В послании речь идёт о переводе произведения В. Альфьери: «Г-же Минович оставалось дополнить кое-что за перевод, а Вас не было. Ей послала 100 р. по моей просьбе А. Андреева, поэтому, когда будете высылать Андреевой гонорар за вступит<ельную> статью, прибавьте эти 100 р.,

а у Минович, буде еще что-нибудь осталось, — вычтите. Адр<ес> Александры Алексеевны Андреевой: Брюсовский пер.; соб<ственный> дом. Варвары Григорьевны Минович: Воронеж, Верхне-Дьяконовская, 1» [4, 115].

Импульсом для создания рассказа «Бесполезный Воронеж» стала поездка писателя в этот город накануне 1915 года, планы на которую он строил заблаговременно. Известно, что 5 декабря 1914 года Борис Константинович просит Бунина о помощи: «Дорогой Иван Алексеевич, у меня есть к Вам следующая просьба — буду очень благодарен, если ее исполните. Мы с Верой числа 15-го собираемся в Воронеж, на все Рождество. Очень бы хотелось получить к тому времени деньги за повесть. Если альманах выходит на днях, то и отлично; если же запоздает, перейдет на январь, то нельзя ли выслать мне теперь же 100 р. в счет аванса? Это меня устроило бы» [4, 129–130].

А 23 декабря 1914 года Борис Зайцев в письме к К. Ф. Некрасову по поводу перевода воспоминаний Казановы вновь упоминает о своём турне к воронежским друзьям: «Пришлите, пожалуйста, продолжение рукописи в Воронеж, Острогжская, д. Клочкова, Вере Зайцевой. Я еду туда через 2 дня, а Вера уже там. <...> Думаю, пробудем в Воронеже числа до 7-го — 8-го» [4, 133].

Через пять дней Зайцев сообщает поэту и критику Н. С. Ашукину, который работал в это время в конторе журнала «Рампа и жизнь», а также был секретарём редакции в издательстве К. Ф. Некрасова: «Многоуважаемый Николай Сергеевич. Спасибо Вам за доброе письмо, за доброе отношение ко мне, и к моему роману. Пишу Вам из Воронежа, где мы с женой и до-

черью проводим праздники. Здесь так же обширно и тихо, как в Ярославле, нет таких замечательных церквей, но дыхание России в огромной мере ощущается. Воронеж — тихий и просторный город. Тут хлеба много, и полей» [4, 133]. В тот же день Зайцев высылает из Воронежа письмо и поэту, журналисту Ефиму Львовичу Бернштейну, издававшемуся под псевдонимом Ефим Янтарёв.

По возвращении из Воронежа отправляет письма К. Ф. Некрасову (7 января) и Д. В. Философова (15 января), из которых следует, что в Воронеже Зайцев занимался мемуарами Джакомо Казановы и вынашивал план двух новых литературных текстов, посвящённых войне и деревне.

Воспоминания о рождественском путешествии долго не покидают Бориса Константиновича. 17 апреля 1915 года Зайцев пишет большое письмо И. А. Новикову, в котором не только вновь упоминает воронежскую поездку, но и делится своим мироощущением от происходящего, от всего того, что будет позднее иметь прямое отношение к атмосфере «Беспольного Воронежа». «Вот и зима прошла — такая странная, и страшная в этом году! Как ты, вероятно, знаешь, первый раз мне пришлось всю зиму провести в деревне. Само по себе это не оказалось плохим, или труднопереносимым. Правда, за это время мы дважды были в Москве, и на Рождестве — в Воронеже. <...> Но в некоторых чисто личных отношениях, зима для меня была очень тяжела — и Бог с ней, что прошла! Не говорю уже о самочувствии своем как гражданина России, и вообще как человека, выросшего в заветах христианской цивилизации. Достаточно все мы были холодны к разным Бисмаркам, „бронированным кулакам“ и пр. Но все же предположить в них то, что оказалось — очень было трудно (по крайности, для меня). Радостно то, что наша, так любимая нами с тобой страна, оказалась на высоте трагедии, выпавшей на ее долю. Все-таки, молодцы, молодцы наши! И их поведение на войне, и отношение к ней, и скромность, молчаливость в беде, терпение, мощный приток сочувствия из общества, подъем самого общества — все это очень хорошо. Радостно знать, что вопреки всем скептикам-хулителям есть разные Макухи и Панасюки, в буквальном смысле слова кладущие душу свою за други своя» [4, 139–140].

В разговорах о литературных и бытовых заботах незримо присутствует военная атмосфера. Позднее, в рассказе, опубликованном 26 августа 1934 года в Париже, Борис Зайцев разместит свои воспоминания о первых месяцах Первой мировой войны «Та осень (Двадцать лет)», где эпизод с приездом семьи писателя в Воронеж накануне 1915 года получил одно из важнейших мест. «Помню этот просторный, сытный, покойный город с монастырем, далеким заречным видом, с ощущением огромных пространств вокруг — пространств не подмосковных, а степных и скифских... Я жил в молчаливом и роскошном доме

миллионера воронежского, городского головы. Ряд скучных, в зеркалах, комнат, все давнее, слежавшееся, застывшее» [4, 287].

Спустя двадцать лет после начала Первой мировой войны, которую Борис Зайцев воспринимает началом глобальных потрясений, охвативших многие цивилизованные народы, писатель, безусловно, соотносит не только с историческими последствиями, но и грядущими опасностями новых социальных катастроф, связанных с усилением политической активности в Европе Адольфа Гитлера. В воспоминаниях «Та осень...» он будет горестно констатировать: «И вот — двадцать лет. Как в синема: дрогнуло что-то, перескочило сразу чрез бездну. Гимназистов наших давно нет. Подросли, пережили войну, в революции легли оба — „убиенные и умученные“. Климка умер. Отошли и владельцы земли нашей тульской. В моем флигеле ветеринарный пункт — говорят, там стоят теперь лошади. Мой хозяин воронежский повесился в Москве с голоду. Я живу в западной части Парижа и во сне часто вижу родину».

И Воронеж, о чём свидетельствует неоднократно упоминание Зайцевым этого города, оказывается особым местом в пространстве его Родины. Но какие грани символического прочтения Воронежа для писателя становятся доминантными?

По словам Бориса Константиновича, просторный, сытный и покойный город с монастырём, далеким заречным видом, с ощущением огромных степных пространств вокруг контрастировал со столичной жизнью 1914 года, где война уже оставила свои разрушительные приметы. «Равномерная жизнь, равномерная скука, священнодействие обедов, холод богатства, серебряный хлад снега на улицах, воронежские вороны — чувство отрезанности и совсем от войны даль».

На самом деле первые признаки военной катастрофы стали ощущаться в Воронеже уже осенью 1914 года, до упоминающейся поездки Б. К. Зайцева. Уже к концу октября эшелоны доставили в город почти 800 раненых. Известно, что 6 декабря 1914 года инспектировать воронежские госпитали приезжал император Николай II. К приезду царской делегации в городе срочно отремонтировали мостовые, на центральных улицах покрасили фасады зданий, задекорировали сосновыми ветками развалины Круглых рядов. В своём дневнике Николай Александрович записал: «Поехали в собор, отстояли архиерейскую обедню, поклонились мощам свят. Митрофана и осмотрели небольшой лазарет тут же в монастыре. Вернулись в поезд к завтраку. От 2,5 до 5,5 ездили по остальным лазаретам, очень хорошо устроенным. Город встретил нас горячим приёмом и тёплой погодой» [1, 224].

Под госпитали оперативно приспособили Маринскую женскую гимназию, Среднетехническое и Музыкальное училища и, конечно, Губернскую земскую больницу. И уже в начале 1915 года Дом воронеж-

ского дворянства, куда писатель ходил в дни рождественских праздников на концерты, также будет отведён под медицинские цели военного времени. Задokumentировано, что к 1 января 1915 года в самом городе было развёрнуто 23 госпиталя на 3 600 коек для раненых, а во всей Воронежской губернии — 75 госпиталей [2, 4].

О том, что происходило непосредственно в этих лазаретах, оставила свои литературные свидетельства Елизавета Милицына, во время войны служившая сестрой милосердия. «Хожу между койками, заглядываю в лица, глаза. Полные впечатлений смерти, раненые жадно ловят каждый светлый блик жизни, и маленькая ласка, и тёплое слово, простой приветливый кивок кажутся им чем-то большим-большим.

<...> Госпиталь просыпается. Раненые встают, умываются. Начинается уборка палат. Питьё чая. Приехал доктор. Опять идут на перевязку. Опять готовятся к операциям.

Тихо иду домой. Грязные улицы, дома, люди — всё словно загушёвано, удалено. Всё будто спит во мне...» [8, 49; 54].

И Воронеж военного времени, и ощущения жительницы, соприкоснувшейся в родном городе с человеческими трагедиями, перенесёнными с фронтовых зон в тыловой город, совсем не похожи на оценки Бориса Зайцева.

Конечно, от глаз приехавшего на рождественские праздники литератора многое было скрыто. В том числе и то, что все воинские части, которые перед войной дислоцировались в Воронежской губернии, были отправлены на фронт. Остались лишь небольшие кадры для полков второй очереди. Вскоре из них в Воронеже были сформированы 233-й Старобельский и 234-й Богучарский пехотные полки, которые отправились в район Варшавы. Кроме того, на территории Воронежской губернии были образованы 24 пешие воронежские дружины государственного ополчения.

Город в течение 1915 года стремительно менялся. Заводы Столя и «Рихард Поле», мельницы, маслобойный завод и другие пищевые производства стали работать на оборону. И все социальные трансформации военного времени не миновали и город рождественской поездки Зайцева. В этом смысле Воронеж вовсе нельзя назвать бесполезным городом.

Но дело не только в том, что Борис Константинович оказался в Воронеже в начале военных действий, а и в том, какой ракурс зрения он задаёт себе. Для сравнения можно обратиться к свидетельствам известного словацкого писателя Янко Есенского, попавшего расконвоированным военнопленным на вольное поселение в Воронеж в марте 1916 года.

«Город оказался большим. Торговля процветала, была там почта, постоянно действующий театр, кондитерская, гостиницы, кино и три или четыре сквера. Бюст Кольцова в Кольцовском сквере, памятник

местному поэту Ивану Саввичу Никитину — усталому старику лет пятидесяти, худощавому, с длинными волосами, небольшой бородкой, с бессильно повисшими руками; в Петровском сквере — памятник Петру Великому с папайкой из снега на оголённой голове, густыми усами, строго сдвинутыми бровями и якорем в правой руке... Завтракал я в кондитерской у Тифентала. Чудесный кофе и шоколад совсем не сочетались с моим внешним видом, однако русских это нисколько не удивляло» [3, 83].

Воронеж у Есенского имеет много подробностей, в канве его дневниковых записей он запечатлён местом временного пребывания военнопленного солдата австро-венгерской армии, ожидающего окончания войны. Город вписан не только в конкретное историческое время, но и в биографическое время автора записок. У Есенского город — документален, у Зайцева — импрессионистичен по описанию и символичен по художественной идее.

Тема бесполезного путешествия в Воронеж отчасти обозначена самим автором. Пользы от воронежских каникул — бесцельных, праздных — не видел отец Бориса Константиновича, что стало косвенным основанием для названия рассказа. И всё же ключ к пониманию общей идеи произведения следует искать не только в исторических и биографических обстоятельствах жизни литератора, но и в общеэстетической и художественной системе воззрений Зайцева, стержнем которой А. М. Любомудров считал грани соприкосновения «духовного и бытового, звездно-небесной легкости и тяжкого гнета земных забот» [7, 12].

К образу Воронежа Б. К. Зайцев обращался не только в письмах и литературных текстах, запечатлевших вояж в провинциальный тыловой город в начале Первой мировой войны. Воронежские реалии приобретают у писателя более универсальные характеристики, не связанные с оценкой конкретной историко-культурной ситуации. Кроме того, нетрудно заметить, что всякий раз Воронеж видится писателю вне своих административных границ, он присоединяет к образу города и бесконечные пространства, в которых тот существует столетиями. Степи, мимо которых пролегает дорога на Воронеж, навевают у прозаика мысли о далёком прошлом, когда «из-за черты горизонта на востоке, шли эти орды, из-за Каспия. Астрахань, низовье Волги, да и дальше ездили на поклон русские князья, погибали там, мученические венцы стяжая. И прошло всё — как гроза, как ураган, косивший Анненгофскую рощу, — лишь курганы сторожевые остались» [5, 430].

И прогулки по городу рождали в сознании писателя сюжеты о воронежском прасоле, самобытном поэте, впитавшем в себя красоту и бесконечность воронежских степей, песни пахарей, косцов и пастухов, полные грусти и тоски: «Кольцов и Воронеж тоже были Россия, густой, крепкий ее настой. Пили чай

в купеческом доме, вместе разгуливали по городу, с Острожной горы любовались широкими видами, лугами, лесами дальними — той огромностью и мощью русской, что так чувствуется в Воронеже и его крае. Старина, Собор, св. Митрофаний Воронежский, св. Тихон Задонский... — а внизу под горой старые домики петровской слободы: иной мир, но История, Петр, судостроительство...» [6, 304].

А даже путешествия по Греции воскрешали в памяти Б. К. Зайцева всё те же бесконечные воронежские степи с вековой пылью, поднимающейся из-под колёс телеги. Греческая бесконечность пространств и безбрежность степей центральной России сливаются в сознании Бориса Зайцева в единое вневременное образование.

Воронежские степи, как и сам город, существующий в их пределах многие столетия — это особый маркер времени, не имеющего непосредственной связи с объективно происходящими историческими изменениями. Учитывая весь свод разнородных текстов Зайцева, можно говорить об особом восприятии времени — авторском времени, связанном с личным отношением к описываемым событиям.

Для Бориса Зайцева рождественские каникулы в Воронеже, где война ещё не проявила так явно своей зловещей сути, стали своего рода временным водоразделом между многовековым порядком человеческого бытия и хаосом глобальных потрясений. Здесь он остро осознал, как за одно мгновение необратимо может измениться мир с его естественными каждодневными проявлениями, как может поменяться сам ход жизни. Вот почему Борис Зайцев вновь и вновь возвращался к образу этого города, физически ощущая разрыв времени не только исторического, но и экзистенциального. Эта темпоральная пропасть фиксируется в его сознании нарастающим валом частных судеб и событий. Бесполезная жизнь в Воронеже, как и в других русских городах, кото-

рую в один миг потеряли люди, становится знаком утраты всей прежней благополучной жизни, всего мирного времени прошлого в противовес той катастрофе, которую несла война и которая мыслилась зачинщикам гибельных событий XX века какой-то чудовищной и преступной пользой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиншин А. Н. Династия Романовых и Воронежский край (1696–1916) / А. Н. Акиншин, Н. А. Комолов. — Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2014. — 288 с.
2. Деятельность Воронежского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам за 1914 год // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. № 1 (3 июля 1916 г.). Воронеж: Тип. В. Д. Колесникова, 1916. — С. 4–9.
3. Есенский Я. Воронеж. Главы из книги «Путь к свободе. Отрывки из дневника 1914–1918 годов» / Я. Есенский // Ямская слобода. Опыт губернского литературного процесса. Отделение пятое. / Ред.-сост. Д. Дьяков. — Белгород, 2014. — С. 81–99.
4. Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. — М.: Русская книга, 2001. — 384 с.
5. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. / Б. К. Зайцев. — Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. — М.: Русская книга, 1999. — 624 с.
6. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. / Б. К. Зайцев. — Т. 5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. — М.: Русская книга, 1999. — 544 с.
7. Любомудров А. М. Неизвестное наследие Бориса Зайцева // Зайцев Б. К. Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. — СПб.: Росток, 2018. — С. 5–16.
8. Милицына Е. М. Записки сестры милосердия / Е. М. Милицына // Подъём. — 1998. — № 4. — С. 34–107.

*Воронежский государственный университет
Дьякова Т. А., доктор культурологии,
доцент, профессор кафедры истории философии
и культуры
E-mail: tamara16031962@mail.ru*

*Voronezh State University
Dyakova T. A., Doctor of Cultural Studies, Associate
Professor, Professor of the Department of History of Philosophy
and Culture
E mail: tamara16031962@mail.ru*